

УДК 159.942 :616.89-008:111.1

Абрамов В.Ал.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭМПАТИЮ В ПСИХИАТРИИ

Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького», Донецк, ДНР

Применение одного лишь клинического метода исследования в качестве объективного не позволяет оценить и понять психическое состояние пациента в интегрированном единстве психопатологического, патопсихологического, психологического и духовного. Целостное представление о психически больном человеке в целях диагностики, лечения, прогноза и психосоциальной реабилитации нельзя ограничить выделением клинических симптомов и синдромов с формализованным их выражением при помощи шкал и опросников. Важным и необходимым является анализ и понимание всех переживаний пациента, состояния его внутреннего субъективного мира, определяющего не только внешнюю, но и внутреннюю картину болезни, без учёта которой и без влияния на которую лечение и реабилитация пациента будут недостаточно эффективными. Этого понимания нельзя достичь с помощью традиционного клинко-психопатологического метода исследования. Дополнительное использование методов психологического исследования – тестов, шкал и опросников, которое широко практикуется в целях объективизации и количественной оценки психических расстройств, позволяет лишь в небольшой степени приблизиться к более полной оценке психического состояния в силу неизбежных редуционистских ограничений, связанных с этими методами. Целостному познанию и пониманию психически больного человека препятствует направленность клинического, психологических и психометрических методов на объект, а не на субъект исследования. Изучение больного в качестве субъекта требует иных методологических и методических подходов. Многолетняя шаблонная практика применения традиционного клинического метода исследования, дополненная психометрическими методами с их схемами и трафаретами, способствовали обезличива-

нию и десубъективизации психически больных и, как следствие этого, дегуманизации психиатрической помощи [1,2].

Наука даёт объективное и доказательное знание, но это знание общего. В психиатрии важнее знание индивидуального, единичного, неповторимо личностного. Процесс познания болезненного состояния психически больного не может быть ограничен только логическим, рациональным знанием. В этом процессе важное значение имеет субъективная сторона познания, которая непосредственно зависит от человеческих параметров познающего субъекта, то есть врача, от его способности к интуиции, эмпатии, сопереживанию и рефлексии [3,4]. Именно, благодаря этим качествам, познаются субъективные переживания и эмоциональные состояния больных. Для объективных научных методов изучения психической деятельности остаётся недоступной её субъективная сторона. Её познание возможно с помощью сопереживания, роль которого, по мнению П.В. Симонова, в полной мере не оценена ни теорией, ни практикой [1,5].

Эмпатическое понимание является особым когнитивным процессом и фундаментальной методологической категорией [6], лежащей в основе понимающей психологии и понимающей психопатологии [7,8,9]. Способность понимания внутреннего подтекста, считал А.Р. Лурия, является особой стороной психической деятельности, которая может совершенно не коррелировать со способностью к логическому мышлению. Он указывал, что анализ процесса понимания смысла высказываний и перехода от внешних значений к отражению внутреннего подтекста высказываний остаётся центральным и совершенно недостаточно разработанным разделом психологии познавательного процесса [10]. Понимание – это осмысление и оценка. Его специфика заключается в том,

что оно формируется в результате рационализации внерационального, в результате прояснения и формирования значений и смыслов [10,11]. Понимание позволяет выйти за пределы абстрактных научных понятий и эмпирических объективных, но частных научных данных, оторванных от целостного предмета исследования. Основной порок методологии психологического анализа Л.С. Выготский видел в том, что психика при этом расчленяется на части, как бы независимые друг от друга. Взятый из естественных наук способ анализа психики с её расчленением, структурированием, обособлением отдельных проявлений и установлением механических (статистических) связей, противоречит её природе [1].

Теодор Липпс, утверждает, что эмпатия есть, по существу, перенос или проекция собственных представлений на внешний предмет или на другого, так что «другие в субъективном представлении суть, по большому счёту, модификации меня самого». Для возможности такой самопроекции на других Липпс подчёркивает важность связи телесных движений, прежде всего мимических реакций, с определёнными чувствами и ощущениями, а также с прожитым опытом в целом. На основе телесного восприятия другого как раз и осуществляется вчувствование [12].

Поставленная Кантом и впоследствии проанализированная М. Хайдеггером проблема трансцендентального статуса способности воображения (с одной стороны, по «функции души», эта способность принадлежит к трансцендентальной эстетике, а с другой - по «функции рассудка» - трансцендентальной логике) предшествует имплицитно поставленной и решаемой в экзистенциализме проблеме онтологического статуса эмпатии (с одной стороны, по «функции души», эмпатия может считаться способностью бытийно - непосредственно и абсолютно достоверно - знать что другой есть, а с другой - по «функции рассудка» - способ иметь - опосредованно и относительно достоверно - знание что именно собой представляет другой, каково его состояние). Поскольку для экзистенциализма главной является тема душевного существования человека, а не тема чистой сущности рассудка, то эмпатия как душевная способность обладает более высоким онтологическим статусом, чем как рассудочный способ. То

есть для экзистенциализма нерассудочный вид эмпатии предпочтительнее в качестве предмета философского исследования, чем рассудочный. Внимание к изначальной до-рассудочной способности важнее при решении онтологического вопроса о бытии, чем внимание к способу. Поэтому в экзистенциализме рассматривается прежде всего не эмпатический способ отношения к другому, а изначальная эмпатическая способность экзистенций «со-бытийствовать» друг с другом еще до выделения «другости» как таковой. Поэтому эта способность не обозначается понятием «эмпатия», а именуется понятием «со-бытие». Рассудочная же эмпатия, представляющая собой способ обозначается как «понимающее бытие-друг-с-другом» [13,14].

В отличие от «со-бытия» «понимающее бытие-друг-с-другом» (аналог эмпатии, по М. Хайдеггеру) не есть способность знать, что Другой есть (существование, экзистенция) и что Другой есть (сущность, эссенция) в качестве со-Dasein (со-присутствия), а есть способ знать что именно собой представляют Я и Другой, когда со-бытие как изначальная и подлинная способность это знать, понимать исторически деформируется и заменяется суррогатами. Эмпатия же предстает в качестве способа восстановления со-бытия как способности подлинного понимающего бытия-друг-с-другом, бытийного отношения между одним Dasein и другим Dasein. Поэтому в онтологическом смысле эмпатия вторична [13,14].

М. Хайдеггер отмечает, что главный объект внимания - это еще не трансформированное сущим пассивно-проективное существование, к которому относится и нерассудочная эмпатия как архаическое тождество. Такая до-рефлексивная эмпатия не есть собственно вчувствование, предполагающее рефлексивно-проективную активность и соответствующий онтический статус [14].

По М. Буберу эмпатия представляет собой лишь одну сторону полноценного отношения человека к бытию, «Я-Ты отношения». Такое отношение есть не что иное, как изначальная симпатия экзистенций, подлинно бытийная симметричная взаимность, не опосредованная объектным интересом субъективности. Если эмпатия характеризуется познавательно-действенным бытийным отношением, то симпатия, по М. Буберу, онтолого-действенным [14].

Г. Марсель рассматривает эмпатию как один из способов удовлетворения «онтологической потребности», как то «тайнство» сопереживания Другому, которое сдерживает пагубный рост техники вещественного обладания, заменяя ее этической техникой ментального обладания [15].

Э. Левинаса интересует не столько сама по себе эмпатия, сколько ее мотивированность Другим. Он считает, что Я, воспринимая «лицо» Другого, уже до-рефлексивно проблематизируется им. Явленность «лица» ставит Я перед выбором и экзистенцирует его смыслонаправленность на Другого: готовность и неготовность к эмпатии. Другой, по мнению Левинаса, проблематизирует Я в том смысле, что «другость» «лица» либо заражает, либо не заражает Я эмпатией к другому [14].

Если М. Бубер основное внимание уделяет самому отношению «Я-Другой», то Э. Левинас — тем объективным характеристикам трансцендентного по отношению к Я «лица» Другого, которые либо способствуют, либо не способствуют возникновению эмпатии. Речь идет о степени «магической» притягательности «лица» Другого в онтологическом плане [14].

Согласно Э. Гуссерлю, в эмпатии раскрывается сущность социального познания и поэтому ее можно отнести не столько к сфере онтологии Другого (трансцендентальные и интертемпоральные предпосылки эмпатии), сколько к сфере гносеологии Другого (имманентно-трансцендентная, позиционально-квази-позициональная познавательная структура эмпатии). Э. Гуссерль утверждает, что эмпатия включает в себя как до-рефлексивное знание что Другой есть, так и до-рефлексивное и осознанное предположение что именно собой представляет Другой [16,17].

Э. Штайн определяет эмпатию как переживание (опыт) другого сознания и называет его особым типом восприятия (*perception sui generis*), для которого в современной ей психологии еще нет «ячейки классификации» [18]. Она отмечает, что все концепции вчувствования исходят из имплицитной убежденности, что чувства другого субъекта, его опыт даны нам. Эмпатия, по Э. Штайн, — это переживание особого рода. Как и любое переживание, оно ощущается как принадлежащее мне, актуальное здесь-и-сейчас, и является «первопорядковой» реальностью. Так же как при восприятии, его объект на-

ходится перед нами (мы «читаем» грусть на лице человека). Но по содержанию данное переживание не является первопорядковым — мы ощущаем его как «не свое», так же как мы различаем образ восприятия и образ памяти. Когда я пытаюсь привести чувства другого к ясной данности для меня, содержание, «втянувшее» меня в переживание другого, перестает быть объектом. Я оказываюсь на месте субъекта этого переживания, в мире уже его объектов. И только после успешного прояснения содержания чужого переживания оно снова становится моим объектом. Данность другого сознания как чужого создает осознаваемую дистанцию между субъектом и объектом эмпатии, что позволяет контролировать процесс, не сливаться с объектом [17].

Таким образом, акт эмпатии, по Э. Штайн, состоит из трех этапов: 1) появление переживания чужого чувства; 2) развертывание этого переживания, удовлетворяющее требованиям ясности; 3) детальное воплощение понятого опыта. Возможно неполное прохождение этих этапов, равно как возможны и различные степени требуемой ясности и, соответственно, степени воплощения переживания [17,18].

Экзистенциальный анализ в психиатрии, представителем которого был К. Ясперс, остро поставил вопрос о необходимости глубокого анализа субъективного мира больного человека [7]. Именно Карл Ясперс впервые включил эмпатическое понимание в систему методов феноменологической психиатрии. К. Ясперс решал задачу обоснования системы методов психиатрии и психопатологии (так он называл науку, призванную, с его точки зрения, быть базовой для психиатрической практики), в которой было бы место и для понимания субъективных переживаний больного, и для изучения объективных показателей развития его способностей, соматических процессов. Эмпатия — «субъективный, непосредственный охват психических взаимосвязей изнутри (в той мере, в какой подобный охват вообще возможен)» — понималась как способ постижения субъективных феноменов: переживаний больного, воспринятых исходя из принципов феноменологического метода [7]. «Мы должны оставить в стороне все унаследованные теории, психологические конструкции или материалистические мифологии о душевных процессах, мы должны чистыми обратиться

к тому, что мы можем в его действительном бытии понимать, осмыслять, различать и описывать. Это, как учит опыт, очень трудная задача» [19]. К. Ясперс различает феноменологический метод и смысловое понимание, считает их взаимодополняющими [19,20]. В его понятии эмпатии происходит сближение значений вчувствования, сформулированного в феноменологической традиции, и понимания как сопереживания у В. Дильтея [17].

К. Ясперс как об одной из основных характеристик эмпатии говорит о ее «данности», «самоочевидности», переживании «непосредственной убежденности» в существовании некоторой связи психических явлений. Источник такой убежденности, в отличие от убежденности в истинности естественно-научного знания, не многократное повторение, а «опыт конфронтации с человеческой личностью» [7]. К. Ясперс исключает субъективизм такой трактовки понимания, подчеркивая, что для каждого данного случая суждение опирается на «объективный фактический материал, в терминах которого и понимается данная связь (т. е. на содержание, выражаемое средствами языка, на культурные факторы, на действия людей и характеристики их образа жизни, на их экспрессивную жестикуляцию и мимику)» [17].

Для дальнейшего развития уже экзистенциальной философии К. Ясперса понятие коммуникации, общения стало важнейшей категорией [7]. Именно свой опыт врача-психиатра он указывает как источник мысли, легшей в основу его учения: «Человек как целое не объективируем. Поскольку он объективируем, он есть предмет... но в качестве такового он никогда не есть он сам... Теперь уже нельзя больше спутать объективно-предметное в человеке в эмпирическом смысле с ним самим как экзистенцией, открывающейся в коммуникации» [17].

Таким образом, эмпатия в представлении К. Ясперса не является мистическим постижением глубинных связей психических явлений, как обычно представляли ее критики концепций «понимающей психологии» [21,22], а является в целом, как и у В. Дильтея, результатом опыта человеческого общения и нашей «человечности», укорененной в культуре. Отмечается также характер направленности эмпатии в концепции К. Ясперса: эмпатически мы понимаем говорящего, т. е. его личность, а не просто формальное значение им выраженного. Речь идет о смысловом, целостном понимании жизнен-

ного мира другого. Статус вчувствования для К. Ясперса предельно высок: он фактически выделяет предмет психологии через границы возможностей эмпатии как метода — то, что может быть познано эмпатически, является психологическим [23].

Современный американский философ Д. Смит еще более подчеркивает гносеологическую составляющую эмпатии, когда наряду с эмпатической идентификацией и эмпатическим восприятием при знакомстве с Другим особо выделяет «эмпатическое суждение». Такое суждение предполагает вживание не только в чувства, но и в мысли, в особенности мировосприятия Другого. Я делает умозаключение не что Другой есть, не что именно он есть, а что он переживает. «Я могу эмпатически судить, что Другой переживает, только если я обладаю способностью репродуктивно воображать, что я переживаю вместо Другого» [14].

Современные психиатрические подходы и методы не позволяют проникать во внутренний мир переживаний больных, понимать и правильно оценивать его, постигая истоки и предпосылки возникновения и развития психических расстройств с позиций психогенеза, персоногенеза и социогенеза. В настоящее время, в психиатрии, не используются субъективные способы и приёмы изучения психически больных, не применяют принципы феноменологического исследования и анализа, основы понимающей психопатологии и психологии по К.Ясперсу, экзистенциальный анализа по Л.Бинсвангеру и В.Франклу. Сущность этих подходов и способов состоит в реальном субъективном, эмоциональном проникновении личности и сознания врача в личность и сознание пациента на основе глубокой эмпатии. Многие психиатры, недостаточно осведомлены о том, что эмпатия является одним из важнейших феноменов взаимоотношения человека с человеком, в частности врача с пациентом. Она выражается в соучастии и взаимопонимании, эмоциональной вовлечённости в психическое состояние и переживания другой личности [1].

Таким образом, понимая значение онтологической эмпатии как метода анализа и понимания всех переживаний пациента, состояния его внутреннего субъективного мира, определяющего не только внешнюю, но и внутреннюю картину болезни, становится ясна необходимость применения его в практической психиатрии.